

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, доктор философских наук.

Новосибирск, Россия.

Главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

УДК 303

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

**Часть 2
Генеалогия метода**

Аннотация. Статья является продолжением серии работ автора, посвященной проблеме биографического метода в истории философии. Показано, как развивались идеи философии жизни, выработанные В. Дильтеем, в работах Г. Миша и М. М. Бахтина применительно к идеи биографии. Г. Миш в своей энциклопедической работе «История автобиографии» рассмотрел биографию как фактически всеобщую культурную форму объективации человека, включающую и мемуары, и дневники, переписку, свидетельства, речь на суде и др. В работе показано, что М. М. Бахтин независимо от работ немецких авторов фактически первый стал прорабатывать биографический метод, распространив его на все многообразие эстетической деятельности. Обосновывается, что биографический метод естественным образом вытекает из всей его философии присутствия. Базовым архитектоническим принципом его философии присутствия выступает взаимоотношение автора и героя. На их взаимодействии держится вся биография как форма. Бахтин представил автора через такие понятия, как вненаходимость, избыток видения, трансгредиентное целое видения. Более позднее знакомство Бахтина с работами Миша только утвердило его в своей позиции. В статье показана близость идей и позиций двух мыслителей. Но несмотря на проработку базовых понятий, Бахтин не вышел на концептуальное обоснование и построение биографического метода. Метод не был достроен, но были обозначены истоки и подходы к биографическому методу. В основном при этом Бахтин пользовался для своих концептуальных обоснований не философским, а литературным материалом. Для истории философии позиция Бахтина может быть рассмотрена как некая метапозиция. Далее требуется собственно историко-философский материал, чтобы показать специфику работы биографического метода в истории философии. Это предстоит еще сделать в следующих работах.

Ключевые слова: биографический метод, биография, автор, герой, вненаходимость, избыток видения, трансгредиентное целое, В. Дильтей, Г. Миш, М. М. Бахтин.

Sergey A. Smirnov**Institute of Philosophy and Law of the SB RAS**
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru**BIOGRAPHICAL METHOD
IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY****Part 2****Genealogy of the Method**

Abstract. The article is a continuation of the author's series of works devoted to the problem of the biographical method in the history of philosophy. It is shown how the ideas of the philosophy of life, developed by W. Dilthey, developed in the works of G. Misch and M. M. Bakhtin in relation to the idea of biography. G. Misch in his encyclopedic work "History of Autobiography" considered biography as an essentially universal cultural form of human objectification, including memoirs, diaries, correspondence, testimonies, speech in court, etc. The work shows that M. M. Bakhtin, independently of the works of German authors, was actually the first to develop the biographical method, extending it to the entire diversity of aesthetic activity. It is substantiated that the biographical method naturally follows from his entire philosophy of presence. The basic architectonic principle of his philosophy of presence is the relationship between the author and the hero. The entire biography as a form is based on their interaction. Bakhtin presented the author through such concepts as extra-location, excess of vision, transgradient whole of vision. Bakhtin's later acquaintance with the works of Misch only confirmed him in his position. The article shows the closeness of the ideas and positions of the two thinkers. But despite the elaboration of basic concepts, Bakhtin did not reach the conceptual justification and construction of the biographical method. The method was not completed, but the sources and approaches to the biographical method were designated. In this case, Bakhtin mainly used literary rather than philosophical material for his conceptual justifications. For the history of philosophy, Bakhtin's position can be considered as a kind of metaposition. Further, historical and philosophical material is required to show the specifics of the work of the biographical method in the history of philosophy. This remains to be done in the following works.

Keywords: biographical method, biography, author, hero, externality, excess of vision, transgradient whole, Dilthey, Misch, Bakhtin.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-198-220

© C. A. Смирнов 2025

Введение

Разными специалистами давно отмечено, что в XX веке область гуманистических и социальных наук пережила несколько различных поворотов – лингвистический, прагматический, антропологический и др. В числе прочих был назван и биографический поворот [The Turn to Biographical Methods 2000]. Впрочем, последний скорее характерен для социальных наук. Мы в следующих частях работы еще обсудим то, что в таких науках, как социология, история, этнология, этносоциология, социальная психология, активно и разнообразно развиваются биографические исследования. Биографический подход стал важнейшим методом социального и гуманитарного познания и конструирования социальных и гуманитарных проектов и концептов. В целом исследователи объясняют этот поворот тем, что гуманитарная (и не только) наука нуждается в лицах, голосах, индивидуальных историях. Дом научного знания стал заселяться живыми людьми. От описания так называемых объективных процессов и явлений, от поиска сущности социальных трендов исследователи все более стали переходить к пониманию жизни конкретных людей в виде их конкретных биографий, автобиографий, жизнеописаний, личных свидетельств и других эго-документов.

В то же время необходимо заметить, что такой поворот вряд ли можно увидеть в философии и истории философии. Последняя продолжает относиться к биографии как к некоему десерту к уже и так богатому столу философских свершений и достижений. В философии продолжает доминировать точка зрения, согласно которой биография философа – это его идеи, его сочинения, его великое учение. Рассказать про философа – значит понять его учение и встроить его в эстафету других великих учений. И такая позиция остается доминирующей, несмотря на множающееся число различных биографий философов¹.

Автор этих строк не может согласиться с такой позицией. Мы попытаемся показать, что биография философа – не просто отдельный жанр, в котором рассказывается о частной жизни философа. Мы просто не умеем писать биографии. Важно то, что биография философа, понимаемая как философская биография, суть не описание его частной жизни (здесь он – такое же частное лицо, как и любой обычатель), а описание феномена рождения личности философа в конкретном смертном индивиде, описание его душевной жизни, в которой странным образом рождается тот автор, который потом становится известным как конкретный философ. И поэтому автор-философ не тождествен конкретному эмпирическому индивиду. Описание феномена рождения этого героя-философа в человеке и есть собственно задача биографа, и это выступает незаменимым, и, пожалуй, и ключевым моментом понимания места этого философа в истории. Но это нужно показать, этот момент рождения философа в человеке. В этом его событийность, и с этого момента и начинается его биография.

---

¹ Например, 300-летие И. Канта показало целое богатство его биографий. Современные исследователи продолжают публиковать в том числе и его ранние биографии, написанные еще при его жизни, обогащая опыт биографических исследований в области кантоведения [см. Круглов и др. 2023]. Но при этом сам биографический метод продолжает оставаться не структурированным, не отрефлексированным опытом.

Но для этого нам придется перейти к методологии вопроса и все же попытаться понять – что такое биографический метод, с помощью которого и можно было бы показать этот момент рождения философа, показать на материале его жизни как философа, а не на материале социологии или истории. А в этом вопросе мы до сих пор испытываем серьезный методологический дефицит.

В первой части нашей работы мы сослались на эпизод из жизни М. М. Бахтина [Смирнов 2024]. Обсуждая в одном из своих последних интервью проблемы изучения наследия Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин отметил отсутствие хорошей биографии писателя и в целом затронул проблему отсутствия биографического метода. Хотя основы этого метода он фактически сам заложил в своем труде АГ, равно как и в целом фактически предъявил свой Метод в философии как метод присутствия человека [см. Смирнов 2023]. Сам же биографический метод у него был встроен в метод присутствия, более рамочный. А в конце жизни в записях 60-70-х годов Бахтин фактически повторил свои основные идеи, высказанные в 20-е годы [Бахтин 2002].

Если относиться к вопросу строго методологически, то, казалось бы, биографического метода М. М. Бахтин не предложил. У него нет специальных работ, посвященных этой теме. Если подходить к вопросу узко инструментально, то да. Но если понимать ситуацию шире, то фактически биографический метод оказался растворен в его концепте, встроен во всю его философию, буквально вплетен в ткань концепции – философии поступка и феноменологии присутствия. Начиная с работы АГ и заканчивая записями 70-х годов, М. М. Бахтин все время размышлял о биографии и автобиографии как о формах присутствия и объективации личности человека в мире, как о форме обретения человеком своего образа, как о способах самоосмысления человеком своей личности. Об этом говорит все его наследие.

В многом в размышлениях о биографии и биографическом методе Бахтину помогал его старший современник, ученик и зять В. Дильтея – Георг Миш, посвятивший всю свою жизнь фундаментальному труду «История автобиографии». Подступы к биографическому методу обозначил и сам В. Дильтей, о чем мы рассказали в первой части работы [Смирнов 2024]. Получили ли его идеи свое продолжение в работах Г. Миша?

Продолжение В. Дильтея. Г. Миш

Г. Миш издал первый том «Истории автобиографии» в 1907. Именно это издание потом конспектировал М. М. Бахтин, но об этом ниже².

Г. Миш был ревностным и последовательным продолжателем идей В. Дильтея, идей герменевтики и философии жизни. Выступал в 20-е годы критиком Э. Гуссерля и Хайдеггера с позиции философии жизни. Вместе с другими учениками В. Дильтея участвовал в издании и комментировании трудов учителя. Сейчас он почти не известен, даже в самой Германии. Пережил период забвения, как это пережил в свое время и М. М. Бахтин. Хотя его «История

² М. М. Бахтин конспектировал первый том труда, посвященный древности: Misch G. Geschichte der Autobiographie. Erster Band: Das Altertum. Leipzig und Berlin, B. G. Teubner, 1907. 478 S. В этом труде показывается зарождение автобиографии как культурной формы и прослеживается ее история, начиная с государств Древнего Востока, затем Древнего Египта, затем в античности, включая диалоги Платона, труды Цицерона, Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия и заканчивая «Исповедью» Августина.

автобиографии» является чуть ли не единственной в XX веке фундаментальной попыткой систематизировать представления о рождении биографии и автобиографии в истории культуры, начиная с культуры Древнего Востока.

В. Л. Махлин выделяет три особенности подхода Миша к истории мысли и культуры [Махлин 2012: 851–852]. Первая характерна и для Бахтина: рассмотрение культурных форм на их границах, на границах жанров и форм, предполагающее анализ различных гибридных культурных форм, преодоление границ философских и литературных жанров. Поэтому древние египетские таблички и свидетельства о собственной жизни простых людей соседствуют с автобиографиями Цицерона и Августина. Выявляется при этом прежде всего внутренняя форма жанра.

Вторая особенность проистекает из первой. В отличие от англосаксонской традиции исследования истории идей (*history of ideas*) и франкофонной традиции истории ментальностей, немецкая традиция изучения духовной истории предполагает исследование «речевого потока», «речевого мышления».

Третья особенность вытекает из второй – она заключается в том, что духовно-историческое исследование находит во всем личность – подобно тому, как Бахтин везде слышал голоса, ища образ человека – через образы автора и героя.

В предисловии к своей книге Г. Миш так и пишет о «великом процессе освобождения человеческой личности» в ее разных культурных формах. Этот процесс Г. Миш прослеживал, опираясь как на В. Дильтея, так и на И. Гёте. Г. Миш понимал автобиографию в ее разнообразных видах, как форму жизни, как ядерную единицу жизни, вслед за В. Дильтеем [см. подр. Смирнов 2024]. И в этом смысле автобиография – это не совсем жанр, она больше, чем жанр, это проявление жизни (*Lebensäusserung*) во всем ее многообразии. Можно сказать, что биография (если это действительно биография рождения в человеке личности в полноте и разнообразии ее архитектоники, а не собрание сплетен и баек и личной жизни героя) суть концентрат этой жизни, выраженный в понятийно-образной форме.

М. М. Бахтин выписывал целые куски из «Истории» Г. Миша. Вот характерные отрывки:

«Она (автобиография) по своей сущности принадлежит к новообразованиям высоких степеней культуры, и все же она покоятся на естественном сновании – потребности высказаться и на противоположном интересе других людей: автобиография сама – проявление жизни. И ей не чужда почти никакая форма. Молитва, разговор с самим собой или отчет о совершенных делах, воображаемая речь на суде и риторическая декламация; научная или художественная описательная характеристика; лирика, покаяние или литературный портрет; семейная хроника и придворные мемуары; историческое повествование чисто материального или прагматического и фактического или романного плана; роман и жизнеописание в их различных видах; эпос или даже драма – во всех этих формах движется автобиография, и если при этом она в точности соответствует сама себе и в ней изображается доподлинный человек, то за счет того, что автобиография преобразует наличные жанры, идя из собственных возможностей создает единственную в своем роде форму» [Misch 1907: 3] [пер.: Махлин 2012: 854-855].

Что задает единство этому многообразию форм автобиографии? Не сама автобиография, а лежащее за ней основание единства я и мира. Этот момент фиксирует Миш и с ним соглашается Бахтин:

«Единство (Gliederung, контур), присущее автобиографии, проистекает из того основного факта, что я и мир даны нам совместно; в многосторонности этого отношения центр тяжести может смещаться как в одном, так в другом направлении, и в зависимости от этого различаются простые существенные формы автобиографии. Самоосмысление (Selbstbesinnung), которое осуществляется во внутреннем опыте; восприятие фактической действительности в многообразном удовольствии, которое человек получает от проявлений своей и чужой жизни; а среди тех или иных жизненных отношений в первую очередь – самоутверждение политической воли и отношение писателя к своему произведению и к публике – таковы важнейшие направления формообразования в истории автобиографии, и каждое из этих направлений имеет устойчивую преемственность в истории ее форм» [Misch 1907: 6–7] [пер.: Махлин 2012: 855].

Да, перекличка между мыслителями очевидна. Махлин замечает, что в историко-культурном и историко-литературном плане концепция Миша сближается с концепцией Бахтина [Махлин 2012: 857]. А в их текстах идет перекличка их голосов. Например, в первом томе Миш пишет: «За всеми духовными творениями, даже за самыми абстрактными концептуальными системами, наше чувство реальности находит человека» [цит.: Misch 1907: 4; пер.: Махлин 2012: 853]. Здесь слышится и голос Бахтина. В заключительных замечаниях работы «Формы времени и хронотопа в романе» мы читаем: «от любого текста, иногда проходя через длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упремся в человека» [Бахтин 2012: 498]³.

Но при этом Бахтин фиксирует задачу уже для себя: «Определить путем анализа этих материалов, каков образ человека в них и чем определяются границы этого образа» [Бахтин 2012: 672].

При этом вывод в конце вводной части «Истории автобиографии» в конспекте Бахтина воспроизведен полностью: появление рассказа от первого лица невозможно объяснить из самой автобиографии, несмотря на ее разнообразие жизненных форм [Махлин 2012: 857].

И поэтому автобиография, как и биография, рассматривается Бахтиным в контексте своей более рамочной концепции, его феноменологии присутствия, поступающего и говорящего бытия, через категории автора и героя, начиная с работы АГ, затем в работе «Роман воспитания» и далее в различных рукописях и конспектах, которые вел Бахтин до конца жизни.

³ Важно понимать, что эти Заключительные замечания к своей работе, написанной еще в 1938–39 гг., он написал уже в конце жизни в 1973 г. И тогда, когда он конспектировал Миша, и в конце жизни, он помнил его, но не просто помнил, но удерживал и свою ценностную позицию. Но если в данном случае перекличка объясняется тем, что Бахтин читал и конспектировал работу Миша, то в другом случае совпадение выглядит более удивительно. В 1916 году российский историк-медиевист П. М. Бицилли, один из первых отечественных авторов обративший внимание на роль и значение биографического метода в гуманитарных науках, в работе «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» пишет: «Какую бы отрасль истории мы ни изучали – в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса» [Бицилли 2006: 235]. Написано во времена написания Мишем своего труда и задолго до Бахтина.

Первой ссылкой Бахтина на книгу Миша исследователи считают его ссылку в работе «Слово в романе», где Бахтин говорит о «дильтеанце Мише» [Бахтин 2012: 125]. Махлин полагает, что это первое упоминание Миша у Бахтина, а сам труд Миша выступил одним из опорных текстов для Бахтина при его работе над теорией романа. Учитывая, что Бахтин активно разрабатывал теорию романа в 30-годы, в кустарный период, то он конспектировал книгу немца в этот период. Бахтин указывает, что в книге Миша есть «ценнейшие указания» в разделе «Самовыражение в реалистических литературных формах» [Бахтин 2012: 126, прим.]

Надо признать, что ранее, в рукописях Бахтина 20-х годов, мы не видим следов Миша. Хотя уже в АГ мы слышим явную перекличку голосов русского и немецкого мыслителей. И характеристики, даваемые Бахтиным таким понятиям, как биография, автобиография, их различия, начиная с античных форм и далее – до биографического романа, сильно перекликаются с идеями Миша в их смысловых контекстах.

А главное – то, что сам анализ биографических и автобиографических форм у обоих мыслителей вставлен в более широкую рамку их учений, они вытекают из их общих концепций, которые (что характерно) перекликаются, обе концепции выстроены в логике феноменологического погружения в философию жизни.

Чтобы понять рождение биографического метода у Бахтина, необходимо увязать его с более рамочным методом русского философа – его феноменологическим методом присутствия. Здесь нет необходимости пересказывать нашу работу, в которой мы предприняли попытку реконструировать его Метод [Смирнов 2023]. Остановимся прежде всего на биографическом методе.

М. М. Бахтин. Контуры биографического метода. Проблема Автора и Героя

В ФП М. М. Бахтин констатировал раскол, образовавшийся между миром жизни и миром культуры [Бахтин 2003; см. также подр. Смирнов 2023], объясняемый им тем, что человек отказался от онтологической ответственности, от заботы о себе, о своем месте в бытии.

Этот онтологический раскол невозможно преодолеть, превозмочь сугубо теоретически, теориями и конструктами. Единство мира преодолевается поступком ответственной личности.

И только об этом и можно говорить. Собственно, в этом состоит правда любой жизни, поскольку раскол уже произошел. А значит – и правда любой биографии. Раскол уже свершился. Свершился давно. Он начался с распятия Иисуса Христа, с его добровольного ухода. Он ушел – и оставил мне, любому человеку, волю и заботу о себе и об этом мире. И любая биография, тем более биография философа, суть рассказ о том, как поступает он в этом мире.

На такое поступление способен лишь нравственный субъект, держащий установку на такое отношение к миру и себе в мире.

Эту установку в ее структуре я, автор, могу лишь феноменологически вскрыть, посредством глубины проникновения.

Биография выступает такой эстетической формой слова о заботе, рассказанной об опыте присутствия человека в мире.

На это не способен доминирующий в западной традиции теоретический рационализм, поскольку он потерял ответственную личность как феномен, предлагая взамен затычки и заглушки в виде очередных теоретических и доктринальных конструктов. Они же, будучи не связаны с ответственным поступлением личности, не могут стать формой преодоления онтологического разрыва, в итоге превращаясь в разного рода редукции научного, натуралистического, прагматического или психологического характера.

Тем самым, на биографию Бахтин выходит методологическим способом, вытекающим из его концепции – через философию присутствия. Человек свое место, незаменимое и незаменимое в этом мире, обретает через феноменологическое постижение единства ответственности, которое выстраивается на связке, на архитектонике я и другого, «существить свое единственное место в единственном событии-бытии» можно через противопоставление я и другого. «Архитектонически значимое противопоставление я и другого» Бахтин называет «высшим архитектоническим принципом действительного мира поступка» [Бахтин 2003: 67–68].

Но в рамках теоретической эстетики, в рамках философской этики, вообще в рамках теоретической философии такое описание сделать невозможно, это, отмечает Бахтин в работе АГ (написанной в начале 20-х), до сих пор не было сделано, поскольку теоретическая этика для выражения этой архитектоники не имеет соответствующей формы [Бахтин 2003: 68].

Но это можно сделать на примере феноменологического вскрытия изнутри художественной формы, косвенно, через построение модели художественного мира романа. Поэтому Бахтин пришел к поэтике полифонического романа Достоевского. А методологические основания для такой поэтики он предъявил в АГ. Поэтому архитектоника я и другого воплотилась в диалог-противостояние автора и героя.

Эта архитектоника может быть рассмотрена именно на примере художественного хронотопа, через который может быть явлена эстетическая жизнь героя. Не мысль, не проблема, не тема, то есть не собственно содержание ложатся в основу архитектоники, а именно художественный хронотоп, который и может завершиться в единое целое. И это возможно даже и на примере философско-научного текста и дискурса. Бахтин полагает, что было бы даже интересно рассмотреть архитектонику «Критики чистого разума» И. Канта, в которой моменты целого «носят эстетический и даже антропоморфический характер» [Бахтин 2003: 70]⁴.

Итак, через косвенный методологический выход на построение и описание архитектоники художественной формы, мы вслед за М. М. Бахтиным можем проследить собственно и основные узлы-скрепы биографического метода как части его метода философии присутствия. Через построение базовых реперных точек видения – автора и героя – мы увидим требования к тому, что значит быть автором и героем биографии. Этот косвенный ход позволяет «отразить в себе полноту события творчества», события свершения героя.

⁴ Наследие И. Канта всегда было в центре внимания М. М. Бахтина. Чтение лекций о Канте на домашнем семинаре в Ленинграде, обсуждение Канта и неокантианства вместе с Каганом за самоваром в Невеле и Витебске это подтверждают. Но задачу эту Бахтин не выполнил в связи с собственной биографической кривой, которая обозначилась в 1929 году – арест и последующая кустанайская ссылка.

Ни нравственно-этический, ни научный, ни философский, ни религиозный дискурсы не могут удержать целое события свершения героя. Это возможно через построение и описание эстетической формы⁵.

Исходным условием этого видения и удержания целого, относящимся к характерной позиции автора (творца эстетической формы), откуда исходит его формирующая активность, выступает, по М. М. Бахтину, *вненаходимость автора*: временная, пространственная и смысловая. Именно вненаходимость делает возможным «обнять всю архитектонику: ценностную, временную, пространственную, смысловую – единою, равно утверждающею активностью» [Бахтин 2003: 72]. Такая вненаходимость – базовое условие для сведения к единому, ценностному контексту всех остальных контекстов.

Таковой вненаходимостью обладает именно автор, в отличие от героя. Последний таковой вненаходимостью не обладает. Такая вненаходимость просто дана автору объективно, по жизни.

Из такого положения Бахтин делает следующий вывод. Именно эстетическая форма, в отличие от познавательной (научной, философской) этической, относит все моменты бытия «к конкретной данности человека – как событие его жизни, как судьбу его. Данный человек – конкретный ценностный центр архитектоники эстетического объекта...» [Бахтин 2003: 87]. Эта архитектоника единственности этой жизни и может быть схвачена именно в биографии человека, выступающего ее героем.

Тем самым биография, биографический метод, не появляются у М. М. Бахтина *ad hoc*, не возникают как *deus ex machine* или некий еще один предмет познавательного интереса. Он становится естественным продолжением базовых концептуальных положений его концепта.

Но идем далее. Как раз мы-то сами, из себя самих как целое и не можем увидеть [Бахтин 2003: 89]. Я свое целое, целое своей личности, во всей ее архитектонике ответственности, не смогу увидеть и описать. Это может сделать лишь иной мне, автор, находящийся во вне, и обладающий той самой вненаходимостью и «избытком видения». То есть, целое личности героя может увидеть только автор, иной мне.

Итак, М. М. Бахтин дает самое общее определение автора и героя.

Автор – «носитель напряжено-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждомуциальному моменту его» [Бахтин 2003: 95]. Изнутри героя это единство не задать. Автор – точка, позиция, благодаря которой возможен избыток видения.

Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее героя и его мир сознание, завершающее его сознание.

Автор не только видит и знает все, что происходит с героем и со всеми героями вместе взятыми, но и видит больше, чем видят они, то есть он обладает «избытком видения» [Бахтин 2003: 95].

---

⁵ Впрочем, если философский дискурс выстраивается в гибридной форме, форме «полуфилософской» и «полухудожественной», каковы, как полагает М. М. Бахтин, концепты Ницше и отчасти Шопенгауэра, то здесь возможно живое событие отношения автора к миру, подобное отношению художника к своему герою в художественном произведении. Для понимания специфики таких концептов нужен антропоморфный мир как объект мышления этого автора [Бахтин 2003: 86].

Обладая избытком видения, автор видит ту незавершенность героя, которую сам герой видеть не может. Но чтобы жить, надо быть незавершенным, открытым для себя, не совпадать со своей наличностью [Бахтин 2003: 95].

Бахтин дает «основную формулу продуктивного отношения автора к герою»:

«Это отношение «напряженной вненаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной, смысловой вненаходимости, позволяющей собрать в с е г о героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить до ц е л о г о теми моментами, которые ему самому в нем самом не доступны: как-то полнотой внешнего образа, наружностью, фоном за его спиной, его отношением к событию смерти и абсолютного будущего и пр. <...> и оправдать и завершить его помимо смысла, достижений, результата и успеха его собственной, направленной вперед жизни. Это отношение изъемлет героя из единого и единственного объемлющего его и автора-человека открытого события бытия, где он – как человек – был бы рядом с автором – как товарищ по событию жизни, или против – как враг или наконец в нем самом – как он сам, изъемлет его из круговой поруки, круговой вины и единой ответственности и рождает его – как нового человека в новом плане бытия, в котором он сам для себя и своими силами не может родиться, облекает в ту новую плоть, которая для него самого и не существенна и не существует. Это – <...> вненаходимость автора герою, любовное устраниние себя из поля жизни героя, очищение всего поля жизни для него и его бытия; участное понимание и завершение события его жизни реально-познавательно и этически-безучастным зрителем» [Бахтин 2003: 96–97].

Что мы здесь видим в плане именно метода, способа мышления и действия? Автор изымает героя из так называемой реальной, эмпирической жизни, где он может быть либо товарищем, либо врагом герою по жизни, и любовно, участно принимая его всего, описывает его в полноте события его жизни, рождая его как нового человека, в новой плоти, которая для него самого, автора, как раз не может существовать. Такое изъятие человека из жизни возможно сугубо эстетическими средствами, ввиду работы принципа вненаходимости, задающего автору избыток видения своего героя (рис. 1).

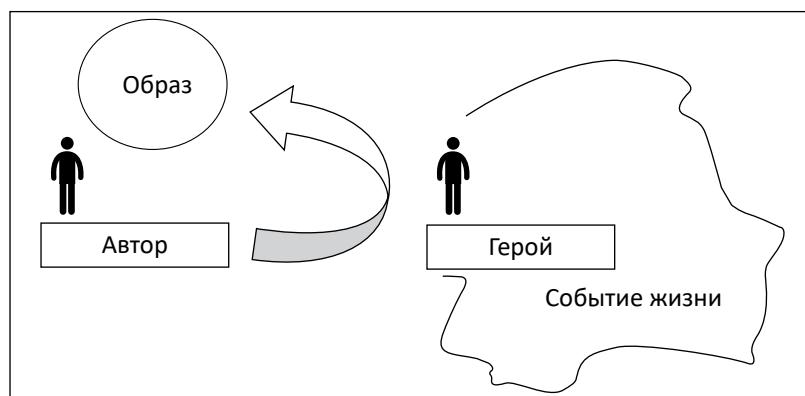

Рис. 1 Изъятие героя в образ

Итак, чтобы образ героя оказался эстетически завершенным, полным (не хорошим или плохим, а полным!), важна эта точка вненаходимости. Если автор ее не находит, то либо герой овладевает автором, либо автор овладевает героем, внося в него жизненные моменты от себя, хотя они к герою не относятся, либо герой сам является своим автором, но такой герой «самодоволен и уверенно завершен» [Бахтин 2003: 101–102].

Посредством какого механизма возможно такое изъятие героя и достижение полноты его образа? В 20-е годы М. М. Бахтин полагал, вслед за В. Дильтеем и представителями философии жизни, что речь должна идти о вживании, вчувствовании, сочувствии (*Einfühlung*). Они полагали, что это возможно – вжиться в другого, стать на его место и понять его из него самого.

Вот М. М. Бахтин пишет, говоря о работе автора при построении образа героя:

«Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрамить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства <...>. Я должен эстетически пережить и завершить его (этические поступки: помочь, спасение, утешение – здесь исключены). Первый момент эстетической деятельности – вживание: я должен пережить – увидеть и узнать – то, что он переживает, стать на его место, как бы совпасть с ним» [Бахтин 2003: 106].

Но позднее, уже при работе над ПТД, он понял, что встать на место другого невозможно. Другой человек – это другой мир. С этим миром можно лишь вступать в отношения диалога. И на материале романа он показывает, как Достоевский-автор вступает в диалог со своими героями. В конце жизни, в записях 60-70-х годов он это подтверждает⁶, говоря о «принципиальном преимуществе вненаходимости»:

«Нельзя понимать понимание как вчувствование и становление себя на чужое место (потеря своего места). Это требуется только для периферийных моментов понимания. Нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык» [Бахтин 2002: 402–403]⁷.

Встать на точку зрения другого в принципе невозможно. Либо ты теряешь сам свое место, либо порабощаешь того, на чье место становишься. Ни в том, ни в другом случае понимание Другого не происходит. Но это ключевое требо-

⁶ В записях «Достоевский. 1961» М. М. Бахтин пишет об открытии Ф. М. Достоевским «...ц е л о с т н о г о а с п е к т а ч е л о в е к а (л и ч н о с т и и ч е л о в е к а в ч е л о в е к е), которое требует радикально иного подхода к нему, новой авторской позиции. “Человек в человеке” – это не вещь, не безгласный объект, – это другой субъект, другое равноправное “я”, которое должно с в о б о д н о раскрывать себя самого... требуется особый подход к нему – д и а л о г и ч е с к и й п о д х о д. Это и есть та радикально новая позиция, которая превращает объект (в сущности овеществленного человека) в другой субъект, в другое “я”, свободно раскрывающее себя» [Бахтин 1996: 365].

⁷ Если искать немецкий аналог, понятно, что понимание не тождественно сочувствию, как *Verständnis* не тождественно *Einfühlung*. Понимание не предполагает сочувствия и вчувствования, не предполагает отождествления себя с другим. Оно предполагает схватывание иного в его другости, видение другого в его фактичности, на его месте, при сохранении своего места.

вание для биографии – ибо требуется не точность ухвата, схватывания другой жизни как объекта (при такой стратегии эта жизнь сразу мертвает, костенеет), и не погружение в чужую жизнь (в таком случае автор теряет свою точку видения), а глубина проникновения, видение другой жизни изнутри через помещение себя рядом с местом своего героя. Но помещение как бы, в эстетической, личностно независимой форме, дающей возможность на трансгредиентное видение, избыток, замещающий недостаток жизненного материала.

Но что задает силу вненаходимости? Как обрести эту точку опоры?

Эту точку вненаходимости или точку опоры автор находит не в самой жизни и не в самой эстетической форме, а в высшей инстанции.

Есть (находится, обретается) такая могучая сила, точка опоры вне меня, найдя которую в ценностном плане, я получу шанс на видение себя как другого. В этом, собственно, заключается и божественность художника – «в приобщенности вненаходимости внешней» [Бахтин 2003: 248].

Используя эту точку опоры, я смогу (имею шанс), увидеть себя в своём единственном месте, представить себя во внешнем образе, почувствовать себя извне, переведя себя с языка внутреннего самоощущения на язык внешней выразительности [Бахтин 2003: 109–111].

В пределе, конечно, признаётся М. М. Бахтин, мы можем представить себя в себе лишь в форме *самоотчета-исповеди*, поскольку эстетически это невозможно, сам себя я не вижу, я для себя эстетически не реален [Бахтин 2003: 246].

И коль скоро точку опоры я нахожу через причастность к Иной, высшей инстанции, то и увидеть себя в своём незаместимом месте я могу лишь через самоотчет-исповедь (на другом языке – через личное богообщение – С.С.), а не в этической или эстетической форме.

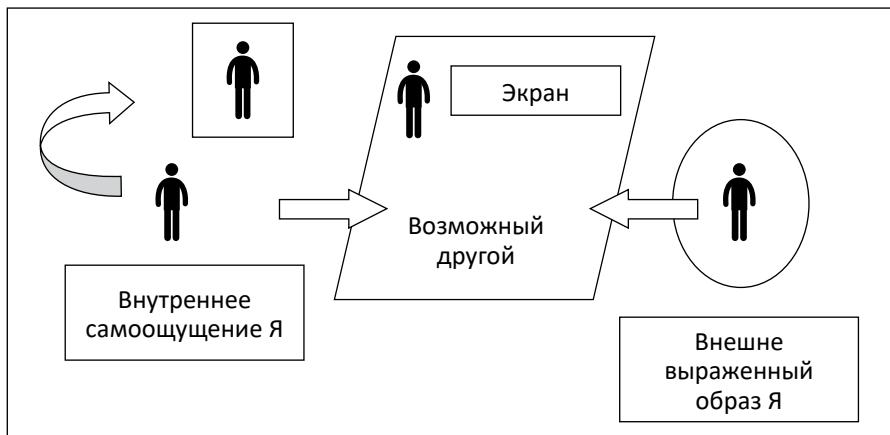
Для этого я должен совершить усилие, дабы оторваться как от психологически привычных самообразов себя, так и от образов, идущих от внешнего фона. Это усилие не должно быть связано с воспоминанием, с памятью о других лицах, здесь надо увидеть себя как себя. Внешний наш образ себя этому сопротивляется, а внутреннее самоощущение мешает отделить этот образ от меня самого. Если все же это получается, тонко замечает Бахтин, то нас поражает то, насколько одинок и пуст этот образ. Ибо у нас нет к нему эмоционально-волевого подхода, который бы оживил и ценностно включил его в ткань жизни, ведь все наши привычные реакции и отношения к другим здесь не годятся, к нам самим не применимы. Здесь должны работать иные ценностные категории [Бахтин 2003: 110].

Для методического описания этого усилия как акта Бахтин прибегнул к понятию *экрана* (в отличие от зеркала) (рис. 2).

Необходимо вдвинуть, пишет М. М. Бахтин, между моим внутренним самоощущением и внешним образом «прозрачный экран, экран возможной эмоционально-волевой реакции другого на мое внешнее явление», экран возможных реакций другого на меня, посредством чего «я оживляю и приобщаю живописно-пластическому миру свою наружность» [Бахтин 2003: 111].

Этот возможный другой – не конкретный человек, иначе он вытеснит меня из поля представления. Надо сохранить единственное место своё и найти язык – перевести себя с внутреннего языка на язык внешней выразительности, вплетя себя целиком в единственную событийность, в «живописно-

пластическую ткань жизни», как человека среди людей, героя среди героев. Для этого и нужна точка опоры вне себя для этого возможного человека. Выходит, этот возможный человек на экране может появиться при моём усилии выйти во вне себя, но через высшего Другого.

Рис. 2 Образ я и Экран.

Этот экран необходимо «уплотнить и дать ему обоснованную, существенную, авторитетную самостоятельность, сделать его ответственным автором», и в силу этого он становится мощным средством при поиске точки опоры, идущей от Него.

Бахтин замечает, что это усилие можно, конечно, заменить силой мысли, последняя может влести меня в мир, вставить меня в него, но при потере моего единственного места. Мысление опишет меня как некую единицу среди других единиц, но не как единственного героя. Поэтому мысление не знает эстетических и этических трудностей объективации [Бахтин 2003: 111].

Итак, я к себе не имею доступа, поскольку не обладаю избытком видения (разве что это возможно в отчете-исповеди, но здесь видение задается Высшей инстанцией, здесь меня видит Бог). Но относительно другого, моего героя (другого человека в полноте его жизни) я могу иметь доступ и воссоздать полноту его образа в эстетической форме.

«За погребением и памятником следует Память: я имею всю жизнь другого вне себя, и здесь начинается эстетизация его личности: закрепление и завершение ее в эстетически значимом образе» [Бахтин 2003: 181].

После ухода другого из этого мира у меня выстраивается к нему отношение поминовения, ценностно окрашенная, задающая возможность полноты понимания мною другого, как его внешнего, так и внутреннего человека. И дело здесь не в наличном материале, я могу многое не знать о нем, могу не знать всех моментов его биографии. Но дело в «наличии такого ценностного подхода, который может эстетически оформить данный материал (событийность, сюжетность данной личности) [Бахтин 2003: 181].

Никакой наличный биографический материал не задает мне как автору полноты моего героя. Да и этого материала всегда будет не хватать. Заявка на полноту, на трансгредиентное целое образа моего героя возможно сугубо ценностной установкой и отношением к нему автора.

Бахтин при выходе на биографию как одну из форм объективации личности (другого), опирается постоянно на противопоставление я и другого, на существование во времени и пространстве я и другого, на их различия в их хронотопах.

Я для себя во времени – всегда еще не ставший и не целый. Я всегда направлен в будущее, я в будущем представлен как тот, которому еще предстоит стать, еще не осуществлен.

«Мое определение самого себя дано мне <...> не в категориях временного бытия, а в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла, в смысловом будущем, враждебном всякой наличности моей в прошлом и настоящем. Быть для себя самого – значит еще предстоять себе (перестать предстоять себе, оказаться здесь уже всем – значит духовно умереть). <...> Только сознание того, что в самом существенном меня еще нет – является организующим началом моей жизни из себя (в моем отношении к себе самому) <...>. Я не принимаю своей наличности; я безумно и нескончанно верю в свое несовпадение с этой своей внутренней наличностью. Я не могу себя сосчитать всего, сказав: вот весь я, и больше меня нигде и ни в чем нет, я уже есмь сполна, дело здесь не в факте смерти, я умру, а в смысле я живу в глубине себя вечной верой и надеждой на постоянную возможность внутреннего чуда нового рождения. Я не могу ценностью уложить всю свою жизнь во времени и в нем оправдать и завершить ее сполна....» [Бахтин 2003: 194–197].

Другой, как и я, изнутри себя относится к своей наличности также, стремясь продолжиться и воплотиться в новом рождении. Но с моего места вне-находности он для меня вполне воплощен и цел. Здесь у нас – полное несовпадение ценностных центров. Другой изнутри себя – себя отрицает, стремясь продолжиться. Но я его бытие наоборот утверждаю в его завершенности. Я завершаю его извне, но в эстетической форме. Он же себя никогда не сможет завершить, как я – себя. Но для меня другой мне представлен как ставший, я его в своем образе дооформляю до целого, ставшего, состоявшегося. В пределе – законченного, формально мертвого. Как это возможно? Это возможно именно при эстетическом отношении и ценностном принятии как другого. Если я к нему буду относиться познавательно-научно или этически, то я его буду исправлять, вскрывать, исследовать и объективировать.

«... художественное видение дает нам всего героя, исчисленного и измеренного до конца, в нем не должно быть для нас смысловой тайны, вера и надежда наши должны молчать. С самого начала мы должны нащупывать его смысловые границы, любоваться им, как формально завершенным, но не ждать от него смысловых откровений, с самого начала мы должны переживать его всего, иметь дело со всем им, с целым, в смысле он должен быть мертв для нас, формально мертв. В этом смысле мы можем сказать, что смерть – это форма эстетического завершения личности [Бахтин 2003: 200].

В рамках заданных методологических положений М. М. Бахтин далее рассматривает разные формы объективации личности – самоотчет-исповедь, биография, автобиография, лирика и отношения в них автора и героя.

Среди этих форм, завершающих смысловое целое героя, мы не будем останавливаться на самоотчете-исповеди⁸. Остановимся на биографии как на нашем главном предмете.

И здесь необходимо отметить внутреннюю амбивалентность смысловой логики самого Бахтина. С одной стороны, он полагает, что принципиальной разницы между биографией и автобиографией нет. Она, конечно, есть, признает философ, но она не велика и лежит не в плане основной ценностной установки сознания. Разницы нет, поскольку «ни в биографии, ни в автобиографии я-для-себя (отношение к себе самому) не является организующим, конститутивным моментом формы» [Бахтин 2003: с. 216].

Под биографией (и автобиографией), дает определение М. М. Бахтин, не разводя эти формы, мы понимаем «ту ближайшую трансгредиентную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [Бахтин 2003: 216].

Понятно, почему здесь М. М. Бахтин не видит разницы между биографией и автобиографией. Это происходит в том случае, когда речь идет об одном и том же человеке. Смотрю ли я на автобиографию изнутри, со стороны героя, или извне, со стороны ее автора (себя же), но речь идет об одной трансгредиентной форме объективации себя. В ней нет различия я и другого. Это главное. Я конечно, могу отделить искусственно, точнее, художественно, себя от себя и попытаться завершить себя, но это искусственная процедура завершения, теряющая правду о герое. И другой во мне – искусственно изъятый из меня, это тот же другой, которым я бываю одержим, когда я смотрю на себя в зеркало («человек у зеркала»), и пытаюсь себя как-то довершить, но так или иначе впадаю в ложное самолюбование, нарциссизм или ложное псевдоуродство и самоподавление в себе любого проявления личностного начала. Реального другого во мне нет и объективно быть не может.

Подлинно другой проявляется тогда, когда другой – это другой человек из другого события жизни. И тогда происходит разрыв родства автора и героя, и тогда автор

«... ценностям жизни героя <...> будет все время противопоставлять трансгредиентные ценности завершения, будет завершать ее с принципиально иной точки зрения, чем она изнутри себя изживалась героем; там каждая строка, каждый шаг рассказчика, будет стремиться использовать принципиальный избыток видения, ибо герой нуждается в трансгредиентном оправдании; взгляд и активность автора будут существенно охватывать и обрабатывать именно принципиальные смысловые границы героя там, где его жизнь повернута вне себя; таким образом, между героем и автором пройдет принципиальная грань. Ясно, что целого героя биография не дает, герой не завершим в пределах биографической ценности» [Бахтин 2003: 228].

⁸ Еще одна перекличка Бахтина и Миша, который включил в автобиографию самые разнообразные формы, поскольку «почти никакая форма ей не чужда»: «Молитва, беседа самим собой и отчет о содеянном, вымыщенная судебная речь и риторическое заявление, научная или художественная описательная характеристика, лирика и исповедь, а также литературный портрет, семейная хроника и придворные мемуары, рассказывание историй ..., роман и биография в их различных видах, эпос и даже драма – во всех этих формах автобиография движется, и когда она настолько хороша, насколько она есть, и в ней присутствует оригинальный человек, она преобразует и объединяет жанры...» [Misch 1907: 3].

Но незавершенность героя не означает, что автор не стремится завершить его образ. Он как раз своим заданием, исходя из точки вненаходимости, стремится завершить образ своего героя, составить художественное целое этого образа.

Но важно еще раз акцентировать следующее. Понятия автора и героя суть ценностные позиции, установки ценностно ориентированного сознания. Это не суть конкретные индивиды, люди с именами и фамилиями. Эти позиции надо занять и так ценностно к ним и относиться. Поэтому автор, как и герой, – это позиция, точка зрения, которая не совпадает с так называемым реальным человеком. Хотя слово реальный здесь также амбивалентно. Реальность человека не задается натурально-эмпирически, она созидается в поступке и завершается в форме творения. Через них он явлен в мире. Я и другой – ценностные категории, делающие возможной какую бы то ни было ценностную оценку жизни. А жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться [Бахтин 2003: 245].

Поэтому для М. М. Бахтина, как и для Г. Миша, человек и существует, то есть явлен в этом мире, через эти формы объективации личности, формы его душевной и духовной жизни. О последней, духовной, идет речь в случае перехода и сопричастности к жизни в святости, если мы говорим уже не о жизни, а о житии святого и его общении с Богом.

Но чем принципиально отличается автор от героя? Не только рефлексивным занятием им особой позиции вненаходимости. Да, для автора характерно эстетически творческое отношение к герою и его миру, он видит в его мире то, чего сам герой принципиально видеть не может.

«Божественность художника – в его приобщенности вненаходимости высшей. Но эта вненаходимость событию жизни других людей и миру этой жизни есть, конечно, особый и оправданный вид причастности событию бытия. Найти существенный подход к жизни извне – вот задача художника. <...> Автор должен находиться на границе создаваемого им мира, как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость [Бахтин 2003: 248].

Понятно, что М. М. Бахтин ведет речь о художественной форме, а автор и герой выступают конститтивными опорами произведения, они встроены в концепт эстетической деятельности. Но для Бахтина это суть важнейшая форма ответственного отношения человека к миру и единственно возможная для описания и осмыслиения форма завершения образа мира. никакая иная культурная форма таким качеством не обладает.

«<...> художник и искусство вообще создают совершенно новое видение мира, образ мира, реальность смертной плоти мира, которую ни одна из других культурно-творческих активностей не знает. Эстетическая деятельность собирает рассеянный в смысле мир и сгущает его в законченный и самодовлеющий образ, находит и для преходящего в мире (для его настоящего, прошлого, наличности его) эмоциональный эквивалент, оживляющий и оберегающий его, находит ценностную позицию, с которой преходящее мира обретает ценностный, событийный вес, получает значимость и устойчивую определенность. Эстетический акт рождает бытие в новом ценностном пла-

не мира, рождается новый человек и новый ценностный контекст – план мышления о человеческом мире» [Бахтин 2003: 248].

В окончании сохранившегося большого фрагмента работы АГ М. М. Бахтин обращает внимание на проблему кризиса авторства. Кризис авторства начинается с утери позиции вненаходимости:

«Расшатывается и представляется несущественной самая позиция вненаходимости, у автора оспаривается право быть вне жизни и завершать ее. Начинается разложение устойчивых трансгредиентных форм прежде всего в прозе от Достоевского до Белого ... жизнь становится понятной и событийно весомой только изнутри, только там, где я переживаю ее как я, в форме отношения к себе самому, в ценностных категориях я-для-себя: понять – значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от существенности своей вненаходимости ему; все извне оплотняющие жизнь силы представляются не существенными и случайными, развивается глубокое недоверие ко всякой вненаходимости (связанная с этим в религии имманентизация Бога, психологизация и Бога, и религии, непонимание Церкви как учреждения внешнего, вообще переоценка всего изнутри-внутреннего). Жизнь стремится забиться внутрь себя, уйти в свою внутреннюю бесконечность, боится границ, стремится их разложить, ибо не верит в существенность и доброту извне формирующей силы; неприятие точки зрения извне» [Бахтин 2003: 258].

Итак, главная, фактически, онтологическая причина кризиса авторства⁹ заключается в нарастающем тренде психологизации, индивидуализации и субъективации сознания, в овнурении человека, стремящегося быть в центре событийности, что является вообще-то следствием иного тренда – ухода во внутрь жизни самой, стремлении форм жизни закуклиться в себя, и смотреть, наблюдать себя изнури. Побеждает страх-отказ от веры в доброту авторитетной внешней идеальной формы, то есть фактически отказ от культурного образца и устоявшейся духовной традиции, всегда внешней относительно я и субъекта, могущей жить именно в спокойных культурных и жизненных формах приятия мира как он есть, воплощается в отказе от всякой формы в пользу разложения любых жизненных форм, что воплотилось в пафосе постмодерна, разрешающего себе тотальный эксперимента над культурной Формой и Смыслом, срывающегося со своего места и несущегося вскачь навстречу своей же собственной гибели. Тотальный культурный эксперимент, включая в себе всевозможные течения и направления, от футуризма до Д. Джойса, тем самым входит в сознание человека и дает ему право на отказ от Формы и Смысла, а значит – от Бога и духовной традиции.

Но М. М. Бахтин выделяет также и иную причину кризиса авторства. Отказ о вненаходимости связан со стремлением к давлению этической точки зрения, при отказе от эстетического своеобразия. Автор исчезает, если ввер-

⁹ Кстати, кризис авторства начался гораздо ранее объявленной французскими интеллектуалами «смерти автора». Бахтин это чувствовал в начале 1920-х годов. Как раз одновременно с написанием им строк в АГ в 1922 году во Франции выходит «Улисс» Д. Джойса, нанесшего сокрушительный удар по всем художественным формам, особенно по роману, включая его базовые принципы и опоры – по автору и герою.

гается в этическое оценивание своих героев, стремясь их исправлять и оценивать, теряя состояние «обоснованного покоя»:

«Вненаходимость становится болезненно этической <...>. Нет уверенной, спокойной, незыблемой и богатой позиции вненаходимости. Нет необходимого для этого внутреннего ценностного покоя <...>, мы имеем ввиду не психологическое понятие покоя (психологическое состояние), не просто фактически наличный покой, а обоснованный покой, покой – как обоснованная ценностная установка сознания, являющаяся условием эстетического творчества; покой – как выражение доверия в событии бытия, ответственный, спокойный – покой» [Бахтин 2003: 260].

Об обоснованном покое М. М. Бахтин говорит потом в своих лекциях в Ленинграде. Там речь шла о сугубо религиозном смысле понятия. Обоснованный покой – состояние верующего, принимающего мир как есть, в его богатстве, разнообразии и естестве, как творение Божие. Смысл покоя – в принятии мира. Это такая метапозиция вненаходимости, которую показал Христос, принявший мир и свой собственный добровольный уход¹⁰. Именно отказ от такого принятия, от такого обоснованного покоя становится причиной кризиса авторства.

В то время, пишет Бахтин, как автор принципиально необходим, фактически выступая инстанцией незыблемости Формы мира, которую необходимо принять как есть. Поэтому автор – не имярек, не Иванов и Петров, он есть незыблемый принцип:

«Автор авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, не как к определенности бытия, а как к принципу, которому нужно следовать [Бахтин 2003: 261].

Полагаю, что кризис авторства с тех пор перманентен. Он всегда наступает, когда автора идентифицируют с неким уже готовым индивидом, который сидит за письменным столом и что-то там корябает на листе бумаги. В свое время Р. Барт и М. Фуко внесли свой вклад в разрушение такого представления об авторе, объявив о его смерти, то есть, о смерти Автора-Бога, абсолютного авторитета, уже слепленного и существующего, стоящего тенью за произведением. Мол, нет его при создании произведения, это гуляющая точка зрения, она не может быть укоренена в отдельном смертном индивиде. Она может смещаться и гулять по разным человеческим носителям, в том числе пересекаться и на читателя, становящегося соавтором¹¹.

Далее, уже при работе над теорией романа, в 1937-39 гг. М. М. Бахтин рассмотрел становление биографии и автобиографии в истории европейского романа, в том числе показал специфику античной биографии [Бахтин 2003: 385–399].

¹⁰ Фактически у М. М. Бахтина речь шла о покаянии и принятии мира, что не объяснимо с этической точки зрения. Моя причастность к событию мира и есть совесть, то есть тотальная ответственность за все, что происходит в этом мире. Но я это делаю по сопричастности к Богу, перестав плодить по поводу себя всякие мифологемы, а принимать себя и мир как есть, устанавливая себя через Него [Бахтин 2003: 328–330].

¹¹ См. подр. разбор проблемы автора у Барта, Фуко и Бахтина в нашей работе [Аванесов и др. 2021].

Античность, как показал Бахтин, создала целый ряд биографических и автобиографических форм, в основе которых лежит особый тип биографического хронотопа и специфический соответствующий ему образ человека, проходящего свой жизненный путь [Бахтин 2003: 385 и др.].

В рамках античного классического типа автобиографии М. М. Бахтин выделяет две модели с условным названием – платоновскую и риторическую.

В основе платоновской модели лежит хронотоп метаморфоза героя, который проходит жизненный путь в поисках истинного познания. В процессе своего жизненного пути герой переживает моменты кризиса, перерождений и открывания ему истины.

В основе второго типа, биографии ритора, лежит так называемый «энкомион», то есть гражданская надгробная и поминальная речь, заменившая собой древнюю заплачку¹². Классическим примером энкомиона М. М. Бахтин называет защитительную речь ритора Исократа¹³.

Исходный замысел энкомиона заключался в создании «идеального образа определенной жизненной формы, определенного положения – полководца, царя, политического деятеля» [Бахтин 2003: 390–391]. В основание рассказа кладется жизненный образец, норма, идеальная форма как совокупность требований – каким должен быть, например, полководец. По ходу рассказа ведётся отчёт о соответствии жизни поставленному идеалу, у Исократа – идеалу ритора. Тем самым сложился первый образ классической автобиографии: рассказ о себе или другом и о соответствии его земной жизни поставленному, принятому в культуре идеалу, образцу и норме: «это публичный апологетический отчёт о своей жизни» [Бахтин 2003: 391]. Все элементы в биографии складываются в единый пластический образ человека.

Важнейшей чертой обеих моделей М. М. Бахтин полагает публичность, ставшую следствием единства внешнего и внутреннего в человеке, точнее, единства внешнего и внутреннего человека в его целом поведении. Классические формы автобиографии не были книжными жанрами. Они писались для публичного прославления и произнесения. Сократ и Исократ произносили свои речи на суде, защищая себя или другого, показывая свою жизнь как само-отчет-исповедь. Это были «гражданские-политические акты публичного прославления или самоотчета». Интимный скрытый план в поведении автора не то, чтобы отсутствовал, он составлял единство с внешним поведением, точнее, границы между внутренним и внешним, публичным и интимным не было, человек был весь един и весь явлен во вне. В этом «эримо-наличном» хронотопе «совершились раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина, производилась публично-гражданская проверка ее» [Бахтин 2003: 387].

¹² Энкомион (др.-греч., ἔγκωμιον), хвалебная песнь, речь, произносимая на празднике, посвященном богу Вакху, во время праздничных шествий, процессий (κόμος) на этом празднике. Процессы, в том числе, и после пиров (συμπόσιον), устраивали молодые люди, шествия сопровождались обильным питьем, пением, музыкой. Энкомионы писали в честь богов, полководцев, царей разные поэты, в том числе Пиндар, Вакхилид, Овидий и др. Также был распространен жанр энкомиона как надгробной поминальной речи. В рамках жанра энкомиона предполагалось перечисление заслуг героя.

¹³ С. С. Аверинцев в своей известной работе также рассматривает проблему генезиса античной биографии. Он ставит под сомнение возможность определить точные понятийные границы жанра античной биографии [Аверинцев 1973: 21–23 и др.].

В таком образе человека не было ничего приватного, интимного, скрытого, человек был открыт во все стороны и в этой открытости и было его внутреннее. Человек осуществлял свой акт публичной защиты, самоотчета и прославления на агоре, на площади, публично. Ему действительно нечего было скрывать от народа полиса, он был весь тут, на площади. Понятно, что публичность была связана также и с тем, чтобы предъявленный образец был представлен, продемонстрирован молодому поколению в назидание, оно носило публично-педагогический воспитательный характер.

Поэтому не было существенного различия между автобиографией и биографией, между отношением к своей жизни и отношением к чужой жизни: «Единство человека и его самосознания было чисто публичными. Человек был весь вовне», потому всякое бытие грека классической эпохи было «зримым и звучащим» [Бахтин 2003: 388], человек был весь видим и слышим.

Расщепление на внешний и внутренний планы начинает обнаруживаться в эллинистическую и римскую эпохи, хотя в античности оно не завершилось. Даже чтение «Исповеди» Августина требует декламации вслух, она не читается «про себя», хотя исповедальня.

Грек жил в мире, на пику («Пир» Платона!), мыслил и совершал самоотчет публично, создавая свою биографию, точнее, предъявляя её. Она была площадной, публичной, открытой, автору нечего было скрывать от полиса, он был весь открыт как на ладони. Добавим, это не было связано с моральными запретами, это было связано с организацией полисной жизни, в которой все вопросы личной и общественной жизни решали и обсуждали сообща. Собственно, это и было полисом и политетней, то есть организацией «жизни сообща», по Аристотелю.

Много позже уже в средние века пришли в автобиографию немые, тихие, интимные формы, скрытые от внешнего глаза, «немота и незримость проникли вовнутрь» человека, *вместе с ними пришло и одиночество*, хотя это было еще не то одиночество современного человека.

Но заметим, что интимность и приватность личной жизни человек обрел за счёт утери целостности себя, она распалась на разные части, слои и сферы, «образ человека стал многослойным и разносоставным, в нем разделились ядро и оболочка, внешнее и внутреннее» [Бахтин 2003: 390].

Внутри античной классической формы сложились два типа построения античной биографии. Один – энергетический. Примером ему служат «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Здесь биография строится как рассказ по наполнению характера свойствами посредством перечисления поступков, событий, речей и разных проявлений героя.

Второй тип, аналитический (Светоний) строится по принципу перечисления разных ситуаций и взаимоотношений героя – герой на войне, в семье, в сенате, дома, за ужином, наедине с собой, его добродетели его пороки и т.д.

Среди этих форм Бахтин перечисляет три модификации, последней из которых выступает собственно стоический тип автобиографии. Это «Письма» Сенеки, «Размышления «К себе самому» Марка Аврелия и, наконец, «Исповедь» Августина.

Именно в последнем, стоическом типе, наиболее полно по сравнению с классикой античности проявляется интимно-личный момент жизни героя

и описание тех событий, которые имеют значение сугубо для него самого и лишены социального и политического. Хотя того действительно одинокого человека здесь еще нет, он все равно свою жизнь сверяет с Образцом, ведя личное общение с Богом. Он еще не одинок и у него есть шанс на спасение.

Подведем предварительные итоги. Если проделать методологическую вытяжку из подхода, обозначенного М. М. Бахтиным, то биографический метод вслед ему может быть обозначен через следующие реперные точки.

1. Стать автором биографии другого – значит найти, обрести точку зрения, упереться в место вненаходимости, чтобы обладать избыtkом видения.

2. Для этого индивид, не обладающий таковым избыtkом видения, совершает усилие выхода в позицию вненаходимости и занимает позицию автора. Автор – это точка зрения, принцип, позиция, не тождественная ни индивиду, ни повествователю-скриптору, ни субъекту морали, ни субъекту права, ни исследователю.

3. Тем самым совершается выход в метафизический план, рамку, что дает автору силу для изъятия своего героя из повседневной событийности жизни.

4. Увидеть через избыток видения *исток мысли* и *действия героя*. Не почему он так мыслит или зачем, а что он мыслит, что толкает его на такую мысль, каков исток. Как у Хайдеггера – что зовет мышление?

5. Не впасть в детали частной жизни, но и не уйти в пересказ его идей и трудов, а найти в его жизни, жизни его личности, точки событийности, точки совершения этой личности, в которой и рождается собственно философ, находящий место в бытии и сам обретающий точку опоры, дающей силу для заботы о себе и мире.

6. Через биографию событий обозначить его незаменимое *место*, которое преобразует его жизненный хронотоп, в котором он обитал. Биография выступает формой описания поиска и обретения человеком своего места в мире, формой описания становления событийности человека.

7. Обретший свое место в мире, герой становится гением этого места. И уже тогда, потом, память о нем делает биографию этому месту, где он жил. Как И. Кант сделал биографию своему Кенигсбергу. Или как Бахтин сделал биографию Саранスクу. Уже после смерти.

Несмотря на проработку базовых понятий, М. М. Бахтин не пошел далее на концептуальное обоснование и построение биографического метода. Метод не был достроен, но были обозначены реперные точки биографического метода. В основном при этом М. М. Бахтин пользовался для своих концептуальных обоснований не философским, а литературным материалом, беря в качестве базовой форму полифонического романа Ф. М. Достоевского.

Литература

- Аванесов и др. 2021 – Аванесов С. С., Смирнов С. А., Спешилова Е. И. Человек у зеркала: Антропология автобиографии. СПб.: Алетейя, 2021. 638 с.
- Аверинцев 1973 – Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. 278 с.
- Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика. 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
- Бахтин 2012 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930 – 1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

- Бахтин 1996 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х-начала 1960-х годов. М.: Русские словари. 1996. 732 с.
- Бахтин 2002 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Бицилли 2006 – Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянской культуры, 2006. 808 с.
- Круглов и др. 2023 – Круглов А. Н., Саликов А. Н., Жаворонков А. Г. Ранние биографии Канта и их значение для понимания его философии // Историко-философский ежегодник. 2023. Т. 38. С. 205–252.
- Махлин 2012 – Махлин В. Л. Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930 – 1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 847–857.
- Ранние биографии Канта 2024 – Ранние биографии Канта: Л. Э. Боровски, Р. Б. Яхман, Э. А. Кр. Васиански, Ф. Т. Ринк и «КантIANA» Р. Райке / пер. с нем. А. Н. Саликова под ред. А. Г. Жаворонкова; предисл. А. Н. Саликова, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова; comment. А. Н. Круглова. Калининград; М.; СПб., Изд-во БФУ им. Канта; Центр гуманитарных инициатив, 2024. 508 с.
- Смирнов 2023 – Смирнов С. А. Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. 2023. № 18. С. 280–323.
- Смирнов 2024 – Смирнов С. А. Биографический метод в истории философии. Часть 1 // Человек.RU. 2024. № 19. С. 250–266.
- Misch 1907 – Misch G. Geschichte der Autobiographie. Erster Band: Das Altertum. Leipzig und Berlin, B. G. Teubner, 1907. 478 S.
- The Turn to Biographical Methods 2000 – The Turn to Biographical Methods in Social Science: Comparative Issues and Examples / Chamberlayne P., Bornat J. & Wengraf T. (eds.) London: Routledge, 2000. 368 p.

References

- Avanesov et al. 2021 – Avanesov S. S., Smirnov S. A., Speshilova E. I. A Human Being at the Mirror: Anthropology of Autobiography. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 638 p.
- Averintsev 1973 – Averintsev S. S. Plutarch and Ancient Biography. Moscow: Nauka, 1973. 278 p.
- Bakhtin 2003 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 1. Philosophical Esthetics. The 1920s. Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Culture, 2003. 957 p.
- Bakhtin 2012 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 3. Theory of the Novel (1930 – 1961). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. 880 p.
- Bakhtin 1996 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s. Moscow: Russian Dictionaries. 1996. 732 p.
- Bakhtin 2002 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6. Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Culture, 2002.
- Bitsilli 2006 – Bitsilli P. M. Selected Works on Medieval History: Russia and the West. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2006. 808 p.
- Kruglov et al. 2023 – Kruglov A. N., Salikov A. N., Zhavoronkov A. G. Early Biographies of Kant and Their Significance for Understanding His Philosophy // Historical and Philosophical Yearbook. 2023. Vol. 38. P. 205–252.
- Makhlin 2012 – Makhlin V. L. Commentaries // Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 3. Theory of the Novel (1930–1961). Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2012. P. 847–857.
- Early Biographies of Kant 2024 – Early Biographies of Kant: L. E. Borowski, R. B. Jachman, E. A. Kr. Vasianski, F. T. Rink, and R. Reike's "KantIANA" / translated from German by A. N. Salikov, edited by A. G. Zhavoronkov; preface. A. N. Salikova, A. G. Zhavoronkova,

- A. N. Kruglova; comment. A. N. Kruglova. Kaliningrad; Moscow; St. Petersburg, Publishing House of the Immanuel Kant Baltic Federal University; Center for Humanitarian Initiatives, 2024. 508 p.
- Smirnov 2023 – Smirnov S. A. The Method of M. M. Bakhtin // Chelovek.RU. 2023. No. 18. P. 280–323.
- Smirnov 2024 – Smirnov S. A. The Biographical Method in the History of Philosophy. Part 1 // Chelovek.RU. 2024. No. 19. P. 250–266.
- Misch 1907 – Misch G. Geschichte der Autobiographie. Erster Band: Das Altertum. Leipzig und Berlin, B. G. Teubner, 1907. 478 S.
- The Turn to Biographical Methods 2000 – The Turn to Biographical Methods in Social Science: Comparative Issues and Examples / Chamberlayne P., Bornat J. & Wengraf T. (eds.) London: Routledge, 2000. 368 p.